

Андрей СМЕРНОВ,
кандидат исторических наук

НЕЧТО ВРОДЕ МАЛЕНЬКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Полки петровской пехоты: обретение лица

Значение, которое имеет для воинской части корпоративная спайка, наглядно показал военный писатель времён Александра II генерал Ростислав Фадеев. «Для качества полка, — подчёркивал он, — чрезвычайно важно, чтоб он составлял нечто вроде маленькой национальности... Надобно, чтобы все чины считали свой полк первым в свете, свято хранили его предания, готовы были идти на ножи со всяким чужим за его славу... Только при таком развитии часть будет составлять одно боевое целое... такое целое, в котором ни одиночный человек не выдаёт товарища, ни рота не выдаёт роту, ни полк во всём составе не допустит кого-либо превзойти себя». Но такая спайка возможна «лишь тогда, когда полк имеет личность», «надобно непременно, чтобы полк имел свой нравственный отенок, свою оригинальность, свои обычаи»¹.

Необходимость превратить воинские части из простых «органов» в имеющие каждый свою физиономию, одухотворённые организмы была столь жизненной, что в России её начали

осознавать уже через несколько лет после создания постоянной регулярной армии, в «предполтавский» период Северной войны. Мы имеем в виду неоднократные требования генерала князя Аникиты Ивановича Репнина и фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева установить среди полков русской пехоты иерархию: присвоить каждому определённый ранг, в соответствии с которым полки выстраивались бы на поле боя в тогдашний боевой порядок — линию (старший полк на правом фланге, следующий по старшинству — слева от него и т. д.). Казалось бы, определённое место в иерархии (у некоторых к тому же низкое) — это не бог весть какое отличие от других. Однако спор о старшинстве, затеянный в 1744 году 1-м Московским и Бутырским полками, принял такой характер, что решать его пришлось самой императрице Елизавете Петровне — «чтобы полки один перед другим старшинство знали, и при случае, в парадах, а особливо, ежели, как случится, в корде баталии [здесь: в боевой порядок. — А. С.] стать, споров не имели, и от того бы каких конфузаций не произошло»²! Споры за «правую руку» в общем строю возникали между полками не раз: такова была тяга их к индивидуальности...

Пётр I — не так ещё чувствующий душу армии, как более сжившиеся с ней генералы (а, может, просто чрезвычайно занятый) — долго тянул с решением. Когда в апреле 1707-го Репнин напомнил, что «пехотным полкам о ранге и о званиях и по се число указу не определено», царь вообще не отреагировал, а Шереметеву, который 10 июня того же года прямо заявил, что «в полках надлежит учинить рангу, кому какую иметь» и «потребовал указу», ответил, что «указ определён будет впредь»³. Зато черновик сделанного им наконец 10 марта 1708 года «определения», опубликованный в 1915-м Н. Д. Зе-зюлинским⁴, — проливает, как нам представляется, свет не только на историю русской армии, но и на ментальность самого Петра, дух и идеологию его преобразований.

Царю подали список 44 полевых пехотных полков. Первые места, конечно же, должны были занять Преображенский, Семёновский, Лефортовский и Бутырский — первые в России *постоянные* регулярные части. В списке они так и значились как «4 первых полков». При этом безусловно подразумевалось (в 1711 году это подтвердили официально), что первые два места принадлежат гвардейским Преображенскому (1-е) и Семёновскому (2-е: в селе Преображенском «потешного строя люди» — будущие гвардейцы — появились в 1683 году, в Семёновском — лишь в 1687-м), а 3-е и 4-е — соответственно Лефортовскому и

Ротное знамя Шлиссельбургского солдатского полка. 1712 г.

Ротное знамя Тобольского солдатского полка. 1712 г.

С. А. Летин. Гренадер Бутырского солдатского полка в красном кафтане и гренадерский барабанщик лейб-гвардии Преображенского полка в зелёном кафтане. 1706–1712 гг. Реконструкция.

Бутырскому. Как показал А. В. Малов, первый из них был сформирован (под названием Выборного Артея Шепелева полка) несколько ранее, чем второй (называвшийся вначале Дворцовым, или «полком дворцовых солдат») — в 1656–1658 годах, тогда как Дворцовый — в 1657–1659-м (утвердившаяся в науке дата формирования обоих полков — 1642 год — ошибочна). Не зря в июне 1658-го будущий Лефортовский был назван Первым выборным полком, а будущий Бутырский — Вторым выборным⁵, и спор с 1-м Московским (так с 1727-го звался Лефортовский) о старшинстве бутырцы начинали напрасно...

Почти всем из остальных сорока — именовавшимся ещё по фамилиям командиров или шефов — нужно было дать (как о том ещё в январе 1707-го просил Репнин) названия городов и областей (драгунскими полками носимые ещё с октября 1706 года), а затем уже ранги. В решении этой задачи ярко проявилась индивидуальность самого Петра — государственника, прагматика, но прагматика одухотворённого, с романтической жилкой, «с огоньком». Имена для полков он взял прежде всего из своего полного титула, где после слов «Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец», значилось: «Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иного, Государь и Великий Князь Новгородца Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозёрский...»⁶. Из этих 20 топонимов Пётр не использовал только «Югорский» и «Болгарский».

Порядок перечисления топонимов в титуле определил и старшинство полков: «Московской» оказался на первом (после «4 первых полков») месте, «Киевской» — на втором и так далее. Получилось, во-первых, наглядное выражение идеи служения армии государству. Граф Семён Романович Воронцов в 1802 году так и объяснял цель переименования полков «по городам»: Пётр сделал это, чтобы «солдат почитал себя принадлежностью государства», а не генерала — чтобы в итоге «солдаты больше полюбили знамёна, под которыми сражались»⁷. Во-вторых, получилось наглядное же напоминание об исторических корнях и историческом пути страны: первым по старшинству шёл полк, названный по центру княжества, создавшего Россию, вторым — названный по центру предшествовавшего Российскому Древнерусского государства, далее — полки, носившие имена важнейших государственных центров, перебросивших мостик от Древней Руси к Руси Великой, в которой выросла Россия (Владимира и Новгорода), затем — названные по покорённым Россией «царствам» — наследникам «Великия Орды Златая» и т. д. Вне всякого сомнения, Пётр сознательно стремился подчеркнуть эту «русскость» своей армии: третьим (!) по старшинству после «4 первых» он сделал полк с именем, отсутствовавшим в царском титуле, но для русского человека значившим чрезвычайно много — Троицкий, по Троице-Сергиеву монастырю. Царю-реформатору можно приписывать протестантские взгляды на устройство церкви, но всё-таки это был русский человек, укоренённый в национальной традиции...

В то же время это был реформатор, и поэтому названия, взятые из царского титула, оказались перемежены названиями, связанными с тем, что послужило толчком к реформам — с борьбой Петра за выход к морям, с Азовскими походами и началом Северной войны. В списке уже были Ингерманландский и Шлиссельбургский («Шлутелбургской») полки (занятые русскими в 1702–1703 годах земли по берегам Невы и у юго-восточного побережья Финского залива по-латыни звались «Ингрия», а по-шведски — «Ингерманланд»; первую же из взятых там крепостей — Нотебург — Пётр охарактеризовал как ключ к Балтике и переименовал в Шлиссельбург, «ключ-город»). В добавление к этим царь вписал

С. А. Летин. А. Д. Меншиков в парадном кафтане среди чинов подшефных полков. За спиной Меншикова верхом трубач и офицер лейб-шквадрона. Справа — пешие обер-офицер и гренадер Ингерманландского солдатского полка. Реконструкция.

названия «Воронежской» (на реке Воронеж построили большую часть Азовского флота), «Азофской», «Питербургской», «Нарфьской» (взятие в 1704 году Нарвы прорвало, по выражению Петра, нарыв, который после «нарвской конфузии» 1700-го «4 года нарывало»), «Ивангородской», «К[о]порской» и «Ямбургской» (выбив в 1703 — 1704 годах шведов из своих старых крепостей Копорье, Ям — переименованной Петром в Ямбург — и Ивангород, русские завершили возвращение потерянной в Смутное время Ингрии). Не исключено, что из этой же серии было и название «Переясловской»: «потешные забавы» 1688–1693 годов на Плещеевом озере у Переяславля (ныне Переславль-Залесский) — с участием целой флотилии судов западных типов — сыграли важную роль в подготовке Петра к его преобразованиям. Правда, по старшинству Переяславский полк оказался на предпоследнем месте. Зато Петербургский и Ингерманландский были поставлены соответственно на 4-е и 5-е после «4 первых полков» (оказавшись старше даже, чем Владимирский и Новгородский!), Шлиссельбургский — на весьма значимое 8-е (между Новгородским и Казанским), Азовский — на всё ещё заметное 11-е (между Астраханским и Сибирским), Воронежский — на 16-е (ниже «Пскофского», Смоленского и «Тферского», но выше «Нижегородского», «Чернигофского», «Резанского» и «Ярославского»). Пётр явно ценил свои победы и свершения и явно же верил в значимость своих дел — того же основания Петербурга — для будущего страны... В целом же названия петровских полков олицетворяли связь между «древней и новой Россией», сплав русской традиции с необходимой для России модернизацией — и тем самым отражали направленность петровских реформ.

Полки, которым не хватило топонимов из царского титула и связанных с борьбой за выход к морям, Пётр назвал по городам русского Севера («Архангелской», Олонецкий, Каргопольский и Устюжский), костромскому Галичу, волжскому Симбирску и сибирскому Тобольску. Сохранил своё название «Белогородской» полк, кадр которого был сформирован на юге России (в Белгородском разряде) ещё в 1677 году (по-видимому, в уважение этого Белгородский и поставили между названными по древним стольным городам Черниговским и Рязанским, на 19-е после «4 первых полков» место).

Зависели ли имена и ранги от репутации, которую полки уже создали себе к 1708 году? В большинстве случаев, по-видимому, нет. Названия по топонимам из своего титула Пётр, как правило, раздавал механически — в том порядке, в каком топонимы перечислялись в титуле, а полки — в поданном Петру списке. А список не учитывал ни времени формирования полка, ни, видимо, репутацию. Ведь реноме некоторых полков пришлось (всё-таки пришлось) учесть уже самому царю, отступив в этих случаях от принятого им шаблона. Так, полк Чамберса — следовавший в списке за полком, названным Казанским — Пётр, следуя шаблону, назвал было по следующему топониму из титула Астраханским. Однако затем раздумал и передал это весьма почётное («Царь Астраханский!») название стоявшему двумя строками ниже полку Михаила Борисовича Шереметева, а Чамберсов окрестил Ростовским (поставив его, таким образом, не на 10-е, а на 23-е после «4 первых полков» место). Обошёл Пётр и два полка, следовавшие в списке за полком «молодого Шереметева». И Сибирским, и Псковским (эти топонимы шли в титуле за «Астраханским»), и Азовским (поставленным в иерархии между Астраханским и Сибирским) стали другие, а эти были названы Архангельским и Пермским (и стали не 11-м и 12-м после «4 первых», а 25-м и 26-м⁸). В 1738 году фельдмаршал Миних назвал Ростовский и Архангелогородский (Архан-

гельский) в числе 12 лучших пехотных полков, но в 1708-м их репутация была, видимо, не столь высока...

Иное дело Саксонский полк, названный так ещё в 1707-м в память того, что подполковник фон Ренцель сформировал его в Саксонии из остатков русских полков, которые, будучи брошены союзниками-саксонцами, погибли 3 февраля 1706 года в сражении под Фрауштадтом на силезско-великопольской границе. Петру было известно, что эти войска «свою должность изрядно при том отправили»⁹, а полк Ренцеля ещё и совершил неслыханный для «москвитов» «анабазис». Теснимый шведами, он из Саксонии ушёл в Тюрингию, затем, перевалив через Тюрингенский Лес, — в Гессен-Кассель и Франконию, во Франкфурте-на-Майне поступил, чтобы уцелеть, на австрийскую службу и очутился в Пфальце — за Рейном, близ границ Франции! Так далеко в Европу русские войска ещё никогда не заходили. В 1076 году князя Олег Святославич и Владимир Всеволодич Мономах, помогая полякам в войне с чехами, дошли только до Франконии — до Чешского Леса, за которым лежала эта немецкая земля... А в мае-июне 1707-го горсточка русских солдат проделала, по оценке Петра, «чудный и в свете небывалый»¹⁰ 1200-вёрстный марш через Баварию, Австрию, Чехию, Моравию и Польшу и под Люблином соединилась со своими! В итоге самый молодой в русской армии Саксонский полк был поставлен Петром не на 40-е после «4 первых» место, а на 22-е — между названными по центрам великих княжеств Ярославским и Ростовским и выше упоминаемых в царском титуле Ростовского (23-е), Пермского (26-е), Белозерского (27-е) и Вятского (28-е). А табель пехотных полков 1711 года поставила его выше и Ярославского: последний был передвинут на 25-е место (оказавшись, в полном соответствии с порядком топонимов в царском титуле, позади Ростовского), а Саксонский оказался на 21-м. (Поскольку произведённый в генералы Ренцель стал его пожизненным шефом, этот полк часто именовали Ренцелевым). Перед нами один из самых ярких примеров обретения частью своего лица, своей индивидуальности...

Ещё два полка — Ингерманландский и Астраханский — приобрели в те годы славу не просто прекрасных боевых частей, но частей элитных, отборных, приближающихся по своему качеству и назначению к лейб-гвардии (кстати, такая «неофициальная гвардия»¹¹ была — в лице Далекарлийского полка — и в армии Карла XII). В 1708–1713 годах Ингерманландский и Астраханский и организационно были объединены с гвардейскими Преображенским и Семёновским, образуя вместе с ними особую дивизию, а в 1711–1712 годах — бригаду, в которую не входили преображенцы. В Полтавском сражении дивизия, которой тогда командовал генерал-лейтенант князь Михаил Михайлович Голицын, стояла, как и подобало отборным войскам, на правом фланге русской линии и первой обратила врага в бегство. Элитному характеру соединения соответствовало и то, что оно одно во всей пехоте передвигалось верхом на лошадях — спеша, подобно пожарной команде, туда, где решались судьбы войны.

Правда, Ингерманландский с самого начала создавался как элитная часть. Указ от 19 июля 1703 года о формировании этого «особого полка» потребовал отобрать в него, «из всяких чинов, тысячу человек самых добрых и взрачных людей» и установил ингерманландцам такое же жалование, что и гвардейцам¹². При выстраивании в январе 1706-го русской армии в боевой порядок у Гродно Ингерманландский полк поставили рядом с Преображенским — на оконечности правого фланга! Согласно штатам 1711 года и сенатскому указу от 31 января 1712 года,

С. А. Летин. Офицеры гренадерских рот Московского пехотного и одного из петербургских гарнизонных полков. 1726 г. Реконструкция.

все армейские пехотные полки должны были состоять из двух батальонов и только Ингерманландский — из трёх, как гвардейский Семёновский. Опять-таки, как и семёновцев, ингерманландцев сразу же одели в синие кафтаны (именно эти два полка и изображали шведскую пехоту в «маскарадном» бою, разыгранном 8 июня 1704 года под Нарвой, когда, симитировав подход к осаждённым шведам подкреплений, русские выманили часть нарвского гарнизона в поле и там разгромили). А ведь многим полкам приходилось в те годы носить мундир «дикого» цвета — из некрашенного сукна...

Но Ингерманландский полк оправдал причисление его к рождению к элите русской армии: вместе с Семёновским, Черниговским и Вятским он оказался одним из четырёх, которые первыми почувствовали вкус победы над войсками самого Карла XII. 30 августа 1708 года Михаил Голицын с этими частями атаковал у могилёвского села Доброе правое крыло армии Карла и вынудил его отойти. По словам Петра, «такова огня и порядочного действия от наших солдат» он ещё «не слышал и не видал»¹³. Через месяц, 28 сентября, Ингерманландский полк вынес на своих плечах самый трудный этап сражения при Лесной. Прикрывая развёртывание главных сил русских в боевой порядок, он и Невский драгунский приняли на себя удар превосходящих сил шведов, «однако ж неприятелю места не уступили, но мужественно бились»¹⁴. Прежде всего к ингерманландцам надо отнести и оценку, данную шведским шаутбенахтом Нильсом Эреншёльдом русским пехотинцам — участникам Гангутского сражения 27 июля 1714 года: «Сражались как львы»¹⁵. Ведь блокивав «Элефант», на котором находился сам Эреншёльд, захватили, по-видимому, именно ингерманландцы: пытавшегося уйти на шлюпке шаутбенахта пленили гренадёры ингерманландского капитана Бакеева... По-видимому, не случайно в феврале 1711 года Ингерманландский пехотный был повышен в ранге и стал не 5-м, а 2-м по старшинству после «первых 4 полков».

Астраханский же полк статус элитного добыл себе сам. О созданной им себе уже к 1708 году репутации можно судить не только по тому, что, раздавая 10 марта этого года полкам имена-топонимы в порядке перечисления этих топонимов в царском титуле, а полков — в списке, Пётр дал ему престижное название «Астраханский» «вне очереди», обойдя два полка. Раздавая затем ранги, он обошёл было, чтобы выделить Астраханский, целых четыре: против стоявшего в списке 10-м после «4 первых полков» Астраханского сначала было написано «6». Из полков, названных топонимами из царского титула, такого преимущества не получил больше ни один! Только потом — сочтя, видимо, всё же неудобным ставить, вопреки хорошо известному в этой части порядку топонимов в титуле, Астраханский полк перед Казанским — царь отдал 6-е место Казанскому, а ранг Астраханского переправил на «7». Затем он спохватился, что забыл элитный Ингерманландский и охранявший его любимый «Питербурх» полк Меншикова (они были указаны отдельно, в правом верхнем углу листа), не удержался и от того, чтобы дать высокий ранг уже имевшему значимое для него название Шлиссельбургскому (будучи 8-м в списке, тот так и получил 8-е место после «4 первых»), — и Астраханский оказался на 10-м месте. Но всё-таки не на 12-м, как мог бы из-за того, что пропустил вперёд ингерманландцев и петербуржцев... В трёхбатальонный состав этот полк, в отличие от элитного «по рождению» Ингерманландского, не привели, но ещё одну привилегию ингерманландцев он получил: с 1709 года такие ударные подразделения, как гренадёрские роты, имелись, помимо

гвардейских полков, лишь в Ингерманландском и Астраханском. Офицеры-астраханцы, подобно гвардейским, использовались Петром для выполнения особо важных поручений: так, в мае 1714 года поручик Астраханского полка Лавров осуществлял связь между находившимися соответственно в Ревеле и Гельсингфорсе царём и генерал-адмиралом Фёдором Матвеевичем Апраксиным...

Статус «неофициальной гвардии» Ингерманландский и Астраханский полки сохраняли в течение всей первой половины XVIII века: не зря почти всё это время они, как и гвардия, стояли там, где находился императорский двор, — в Петербурге. В первом же сражении новой русско-шведской войны (1741–1743) — 23 августа 1741 года под Вильманстрандом — они подтвердили своё право считаться элитой, сыграв ту же роль, что под Полтавой. Наступая, как и было им положено, на правом фланге русской линии, ингерманландцы и астраханцы отбросили левое крыло врага, облегчили этим положение потеснённого было русского левого крыла и приблизили перелом в ходе сражения. Не случайно 23-летний сержант лейб-гвардии Семёновского полка Александр Суворов при выпуске его офицером в армейские полки выразил желание служить в Ингерманландском или Астраханском. 10 мая 1754 года он и был назначен в первый из них (с предоставлением годового отпуска, так что фактически поручик Суворов служил в Ингерманландском полку с мая 1755-го по январь 1756-го). А с августа 1762 по апрель 1763-го Александру Васильевичу довелось послужить — уже в качестве командира — и в Астраханском (в нём, кстати, служили потом и Кутузов, и Багратион¹⁶, а Суздальский полк, которым полковник Суворов командовал после Астраханского, до конца 1768 года, — это переименованный в 1727-м Саксонский).

Если Астраханскому полку боевая работа дала статус «неофициальной гвардии» и право стать в «ордере баталии» на поле

С. А. Летин. Полковник Сибирского пехотного полка Г. И. Давыдов. 1726 г. Реконструкция.

С. А. Летин. Пикинёр Бутырского солдатского полка в красном кафтане.
1710-е гг. Реконструкция.

С. А. Летин. Гренадер Бутырского солдатского полка в красном кафтане и синем колпаке.
1710-е гг. Реконструкция.

Полтавской битвы правее старших по рангу Бутырского, Московского, Киевского, Петербургского, Новгородского, Шлиссельбургского и Казанского (Лефортовский и Троицкий Пётр оставил в резерве), то в случае с Выборгским участие в Северной войне помогло зародиться духу полка. В своих записанных уже после войны «сказках», т. е. официальных автобиографиях, офицеры этой части уверяли, что название «Выборгский» ей было дано за отличие при осаде в 1710 году одноимённой крепости. Соответствующий указ найти пока не удалось; в документах полк ещё два года по-прежнему именовали Инглисовым — по командиру, полковнику Андрею Юрьевичу Инглису (в список на переименование «по городам», поданный Петру в 1708-м, Инглисов не включили). Но если даже выборжцы и выдавали желаемое за действительное, для нас сейчас важно другое: они *хотели* считать, что своё название их полк заслужил как отличие, что он, следовательно, не из последних; хотели так, что подчёркивали заслуги полка, даже излагая свои личные послужные списки. Этот корпоративный дух и есть лучший показатель наличия у полка своего лица...

На особом положении были в Северную войну и самые старые из русских регулярных полков — Лефортовский и Бутырский. Правда, до статуса «неофициальной гвардии» они, несмотря на самые старшие после гвардейских ранги, не дослужились, да и вообще их привилегии были не результатом их боевой работы в «свейскую войну», а следствием их бывшего статуса «выборных» (отборных, элитных) и бывших же заслуг лично перед Петром. Царь помнил, как в критическом для него сентябре 1689-го эти части пришли к нему в Троице-Сергиев монастырь, взяв, таким образом, его сторону в конфликте с правительницей Софьей Алексеевной; ещё в 1705 и 1707 годах он распоряжался о прибавке им и их старым солдатам и урядникам жалования за «поход в Троицу». Очень многое зна-

чило для царя и то, что одним из полков в 1692–1699 годах командовал его друг, наставник и сподвижник Франц Лефорт, а другим, в 1687–1699-м, — его, Петра, учитель в военном деле Патрик Гордон. И отказ царя от переименования в 1708 году Лефортовского полка по городу или земле был вызван наверняка не тем, что им тогда командовал ещё один Лефорт — племянник Франца Пётр...

Командиром же Гордонова полка (который ещё с 1682-го называли то по командиру, то, по служившей местом расквартирования подмосковной слободе — Бутырским) после смерти Патрика был сделан его сын Яков Гордон, а после того как в 1705 году умер и он, Пётр долго держал полковничью вакансию этой части — явно считавшуюся им особо почётной — открытой. Только в 1707-м он обещал «после первой счастливой оказии» отдать её фактическому командиру бутырцев подполковнику князю Ивану Васильевичу Солнцову-Засекину. «Оказия» случилась 27 июня 1709 года под Полтавой...

Впрочем, нагляднее всего привилегированность обоих полков показывала их униформа. Как известно, в годы Северной войны обмундирование частям «строили» обычно из того сукна, какое удалось достать, и расцветка полковой униформы не раз менялась. Однако Лефортовский и Бутырский полки, как правило, обеспечивали кафтанам красное цвета, присвоенного этим частям ещё в 1690-е годы в знак их «выборности», элитности¹⁷ (не случайно царь Алексей Михайлович одевал в красные кафтаны стремянных стрельцов, т. е. свой эскорт). Правда, бутырцам доставались и зелёные, а лефортовцев в 1717-м переодели в тёмно-зелёные целиком (в 1720-м этот цвет присвоили всей вообще пехоте). Но сохранение за Лефортовским и Бутырским полками привилегированного статуса Пётр подчеркнул тем, что взял их — вместе с гвардейскими Преображенским и Семёновским и «неофициальными гвардейскими» Ингерманландским и Астраханским — на празднование победного окончания войны в Москве. 18 декабря 1721 года Пётр торжественно вступил в древнюю столицу с этими наиболее самобытными частями своей армии.

Примечания

1. Фадеев Р. А. Вооружённые силы России. М. 1868. С. 113.
2. Цит. по: Шеленговский И. И. История 69-го пехотного Рязанского полка. Т. I. Люблин. 1909. С. XIII.
3. Цит. по: Зезюлинский Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Пг. 1915. С. XI.
4. Там же. С. XV, XVII, XIX, XXI.
5. Малов А. Государевы московские выборные полки солдатского строя// Цейхгауз. 2001. № 1(13). С. 3–5.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. IV. СПб. 1830. № 1804.

7. Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 347.
8. Против Пермского полка в списке читается число «20», но это явная описка или, возможно, плохо выписанное «26». 20-е место царь, безусловно, дал Рязанскому, против которого тоже значится «20». Здесь описка исключена, так как Рязанский стоит в ряду 15 полков, которые Пётр вынужден был понизить на два или три ранга (из-за того, что не сразу вставил перед ними Петербургский и Ингерманландский, а среди них — Азовский), а вначале против него было поставлено «18». Явственно же читаемого числа «26» в списке нет нигде.

9. В табели пехотных полков 1711 года Рязанский прямо значится на 20-м месте, а Пермский — на 26-м.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IV. Вып. 1. СПб. 1900. С. 238.
11. Цит. по: Плестерер Л. История 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымнического полка. Т. I. Белосток. 1902. С. 62.
12. Энгелунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М. 1995. С. 118.
13. Полное собрание законов... Т. IV. № 1937.
14. Письма и бумаги... Т. VIII. Вып. 1. М. 1948. С. 126–127.

15. Гистория Свейской войны. (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. М. 2004. С. 146.
16. Цит. по: Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1698–1801. М. 1995. С. 30.
17. Ивченко Л. «Известный Вам князь Багратион»//Родина. 1992. № 6–7. С. 40–41; Цинцадзе З. Д. «Неизвестный» вам князь Багратион//Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 91–92.
18. Паласиос-Фернандес Р. О происхождении цветов петровской лейб-гвардии//Цейхгауз. 1996. № 1(5). С. 7.